

РОМАНТИЧЕСКИЕ КОРНИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Статья посвящена проблеме развития идей космизма как особого социокультурного феномена в русской общественной жизни XIX–XX веков. В статье рассматривается традиция мысли русского космизма, связанная с романтической школой и христианской космологией и антропологией.

Ключевые слова: космизм, наука, антропоцентризм, антропокосмизм, целостное знание, принцип антропности, универсализм, ноосфера, романтизм.

Русский космизм – это умонастроение целой группы русских писателей, ученых и философов, для которых на первый план выходят представления о связи человека с Космосом. Эти представления первоначально определялись как «Русская Икаррия» по названию статьи П.Н. Сакулина в журнале «Современник» за 1912 год. В ней анализировались идеи утопического романа русского философа-романтика В.Ф. Одоевского «...4338-й год. Петербургские письма» в сопоставлении с другим романом-утопией французского автора Э.Кабе «Путешествие в Икарию», увидевшим свет также в 1840 году. П.Н.Сакулин точно подмечает главную особенность утопии В.Ф. Одоевского: ее космическую направленность. Введя в обиход понятие «Русская Икаррия», П.Н. Сакулин не мог предположить, что этот термин окажется столь удачным обозначением целого направления научно-философской мысли, которое впоследствии будет обозначаться как русский космизм и которому суждено стать одним из ведущих в XX веке. Правда, в различное историческое время космические умонастроения имели различную смысловую нагрузку. Так, К.Э.Циолковский и Н.Ф. Федоров мечтали о космическом расселении человечества, тогда как Н.Г. Холодный формирует принцип антропокосмизма безотносительно к тому, как будет человечеством решен вопрос о заселении космического пространства. В.И. Вернадский на первый план выдвигает идею ноосферы, а А.Л. Чижевский «открывает» космические факторы эволюции вполне земной жизни людей. Н.И. Умов вводит категорию искусственного и прорабатывает идею о космическом логосе жизни. Космическая тема найдет своеобразное отражение в «Учении Всемира» А.В. Сухова-Кобылина, в фантазиях

В.Ф. Одоевского и А. Платонова, а также в стихах Н. Заболоцкого и В.Брюсова. Понимание единства человека и Космоса, признание космических масштабов его деятельности, а также космической природы самого человека очень существенно для построений многих русских мыслителей и философов. Хотя сами эти идеи не были впервые выдвинуты в русской философии, отличительной особенностью русского космизма в целом является выведение на первый план социально-этической проблематики в космической теме. Эта особенность свидетельствует о том, что русский космизм, как феномен, глубоко укоренен в отечественной культурно-философской традиции, он возник не на пустом месте, а был подготовлен всем ходом художественного, философского и научного развития.

Особое место в этом процессе занимает романтическое мировоззрение, в котором вступали между собой в союз философия, наука, поэзия и религия. С романтизма начинается в тридцатые годы девятнадцатого века, как выразился Георгий Флоровский, «философское пробуждение» нашего народа. Романтизм пришел к нам с Запада, однако, «в русских исканиях и борениях слишком много чувствуется искренней, подлинной боли и страсти, чтобы можно было видеть здесь подражание или позировку. Верно, что то была очень впечатлительная эпоха, и западные впечатления были у нас тогда очень действенными. Но они вызывали и творческий отклик» [22, с. 233]. Романтизм вообще всегда возникает в условиях подъема общественного настроения, он там – где надежда, радость ожидания нового, лучшего или желание выделиться или выразить активно свой протест. Это философское мировоззрение и движение выступало с критикой результатов развития европейского просвещения,

в котором обнаружилась явная односторонность не только жизни, но и мысли. Отвлеченный разум европейского просвещения, по словам И.В. Киреевского, породил иллюзию геоцентризма и антропоцентризма, ибо он вознамерился «на преобразованной земле устроить небесную жизнь» [8, с. 6]. Иллюзии вообще явление в истории человечества частое. И все потому, как в свое время отмечал В.Ф. Одоевский, что мы легко воспринимаем то, чего нет. Восприняли то, чего не было в физике, и появилась иллюзия, будто «вся природа измерена и исчислена» [13]. Восприняли структуру пути к истине, намеченного Ф. Бэконом, и попали «в мышинный горизонт чувственной экспериментации» [13]. Иллюзия, основанная на математически рациональном изучении только одной «мертвой стороны природы», приводит нас, согласно Одоевскому, «к дверям истины, но самих дверей не открывает» [13].

Законами природы, открытыми наукой, науку не объяснить. «В самом деле, – пишет В.Ф. Одоевский, – что такое наука в наше время? В ней все решено – все, кроме самой науки» [13]. Корни науки – в недрах человеческой субъективности, но сам человек «коренится» в природе. Без человека природу не объяснить. «Без силы человека нет жизни в природе» [13], – делает вывод В.Ф. Одоевский, разделяемый русским космизмом в целом. Развитие европейского естествознания свидетельствует, что природа как бы заранее устроена по человеческим меркам ее понимания. Русский космизм не признает идею «преуготовленности» природы к пониманию ее человеком. Но если природа понимается человеком, то это означает, что наша мысль существует в ней как реальное событие, а не только как идеальное отражение природы, удваивающее мир. Так, Н.А. Морозов обращает внимание на то, что, если рассеивающаяся энергия космоса все-таки не рассеивается, то это значит, что в космосе должен быть фактор, «противодействующий рассеянию энергии. Очень может быть, что этим фактором окажется сознательная органическая жизнь, господствующая на всех светилах, и что в состав его неведомо для нас входит и наша собственная жизненная деятельность» [10, с. 616]. Н.А. Морозов убежден в том, что мировая жизнь светил управляется не только силами тяготения и другими физическими факторами, но и «явлениями органической жизни» [10, с. 650]. Равным обра-

зом, изучая возникновение углеродистых соединений, В.И. Вернадский приходит к выводу, что не развитие неорганической природы («косной материи»), а именно функционирование живых организмов причина создания углекислоты. Но тогда неизбежно встает вопрос: можно ли говорить о генезисе жизни? Как заметил Ю.Ш. Стрелец, «В.И. Вернадский, решая проблему происхождения жизни, избежал дилеммы биогенеза-абиогенеза с помощью постулирования вечности жизни, придания ей качества атрибута материи, наряду с пространством и временем» [20, с. 560].

Настаивая на тезисе о «вечности жизни», автор ноосферной концепции писал: «Эти представления о природе не менее научны, чем создания космогоний или теоретической физики и химии, и ближе для многих, хотя они так же неполны, как и геометрические схемы упрощенной мысли физиков, но они менее проникнуты призрачными созданиями человеческого ума и дают нам другие стороны космоса, оставленные последними вне своих абстрактных построений» [4, с. 13]. В этих словах В.И. Вернадского фиксируется проблема, которая становится центральной для всего русского космизма: новоевропейское естествознание рассматривает природу как объект, но она существует как субъект своих изменений и превращений. И в этом смысле «космос... всегда жив» [23, с. 27], а «заселенная Вселенная есть абсолютная истина» [23, с. 14]. Не абсолютное знание, а абсолютная истина, что космос предстает в качестве целостного мира, в котором рассеивающаяся энергия не рассеивается, разбегающиеся галактики не разбегаются и т. д.

Русский космизм возрождает онтологию целостного восприятия мира, которая допускает не «пустой» космос, а космос как субстанцию и как субъект. Человек индивидуализирует космос, делает его не «мертвой» универсальной сущностью, а «индивидом», конкретной всеобщностью. Это чрезвычайно важное завоевание русского космизма по сравнению с современным естествознанием, которое, по словам Ф.И. Гиренка, «упрекают в том, что оно не смогло объяснить феномен человека и не сумело реализовать идею целостного рассмотрения природы, что его концепции описывают универсальные законы природы и не объясняют индивидуальности явленного мира» [7, с. 153].

Занимая позицию романтического универсализма, члены «Общества любомудров» В.Ф. Одоевский, Д.В. Венивитинов, И.В. Киреевский еще в 20-е годы XIX века приступили к разработке идеала живого, «цельного знания». Они рассматривали процесс познания как единство мысли и чувства. «Великое дело, – утверждает В.Ф. Одоевский, – понять свой инстинкт и чувствовать свой разум. В этом, может быть, вся задача человечества» [13]. Необходимо синтезировать все силы и способности человека: научные, художественные, религиозные. В такой «новой науке», по мысли Одоевского, будто бы оживает первоначальное, магическое отношение человека к миру, в котором большую роль играет интуиция, сокровенное, внутреннее ведение, которое сочетается с глубиной и полнотой научного знания, добытого человечеством в течение столетий. В «новой науке» романтиков все инстинктивное обращается «в знание ума», а «знание ума» становится внутренним, интимным, приобретает силу воздействовать на ход вещей. При таком подходе, как отмечает Ф.И. Гиренок, становится ясным, что «целостное восприятие мира складывается вне зависимости от полноты знания его связей и взаимодействий. Для полного описания любой вещи нам нужно уже знать бесконечность мировых связей. Но мы можем их и не знать, если знаем сущности» [7, с. 158]. Русский космизм придает этой интеллектуальной процедуре иной смысл: воспринимая индивидуальность, помыслив одно естественно-историческое тело, мы тем самым помыслим и всю бесконечность мировых связей, т. е. нечто конечное становится условием описания бесконечности. Не зная всех этих связей объектно, мы знаем их целостно. Знаем в терминах индивидуальности явленного мира. Русский космизм рассматривает мысль как реальное действие человека, а познание как жизненный, а не логический процесс. «Познать научную истину, – отмечает В.И. Вернадский, – нельзя логикой – можно лишь жизнью. Действие – характерная черта научной мысли» [5, с. 39].

Русский космизм «возвращает жизнь в космос». Под таким возвращением нужно понимать не операцию по доставке в космос живых организмов, а возвращение к основаниям новоевропейской науки, возрождение утраченного ею понимания связей человека и космоса. Что же

касается заселенности космоса живыми и сознательными существами, то сама идея целостности природы не допускает «пустого и мертвого» космоса. Так, например, в XIX и в XX веках появлялись идеи о том, что эволюция солнечной системы с неизбежностью приведет к гибели нашей планеты, а, следовательно, и человечества, а с ним и всего живого на Земле. Но русские космисты не видели никаких философских оснований для такой постановки вопроса. Такая проблема, по их мнению, решается очень просто: люди изобретут летательные аппараты и заселят «космические пустыни». Убежденность в творческой силе человека характерна для В.Ф. Одоевского, романтическое мироощущение которого не мешало ему всегда быть принципиальным противником различных форм скепсиса и пренебрежительного отношения к материально-практической стороне научной деятельности. Так в утопическом романе «...4338-й год. Петербургские письма» по прогнозу автора в 44 веке люди откроют почти все тайны природы, изобретут магнетические телеграфы, начнут управлять движением воздушных масс, обживут Луну, создадут новые сорта растений и откроют химический синтез пищи, разрешат проблему перенаселения и т. д. Одоевский вообще был убежден, что русским летать по воздуху то же, что другим народам ездить по железной дороге [11, с. 15]. И, конечно же, люди будущего выйдут в космос.

Эти достижения свидетельствуют об успехах в развитии науки и основанной на ней технике. Но сам научно-технический прогресс не может быть целью сам по себе. Даже создатель космических ракет К.Э. Циолковский не считал ракеты самоцелью. Наука и техника лишь средство для решения тех проблем, которые возникают перед человечеством. Это положение верно как для романтиков, так и для русского космизма в целом. В.Ф. Одоевский воспринимал задачу науки так, как позднее ее сформулирует Н.Ф. Федоров: полнота «знания и управления» силами природы. Такая вера в возможности будущей науки, позволяла В.Ф. Одоевскому противостоять пессимистическим настроениям, которые были вызваны исследованиями Т. Мальгуса «Опыт о законе народонаселения...». Мальгус, по словам Одоевского, есть последняя нелепость в человечестве. Позднее и почти такими же словами выразит свое отно-

шение к Мальтусу религиозный философ-космист Н.Ф. Федоров. Для этих мыслителей было очевидно, что «с каждым открытием науки одним из страданий человеческих делается меньше» [14], и «то, что называют судьбами мира, зависит в эту минуту от того рычажка, который изобретается каким-то голодным оборвышем на каком-то чердаке в Европе или в Америке и которым решается вопрос об управлении аэростатами» [15]. Здесь – надежда на будущее и знание путей к нему, тогда как для романтической установки западных философов того времени характерен, как замечает Г.Г. Коломиец, «разрыв мечты и действительности, неприятие реального мира, уход («бегство») в мир фантазий, иллюзий подальше от реальной действительности» [9, с. 183].

Однако развитие науки само не лишено противоречивости. Если дифференциация науки необходима для полноты и детальности знания, то чрезмерная рационализация европейской науки ведет к «овнешненности» знания, к отказу от проникновения вглубь и познания сущности. В ранней работе «Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия» В.Ф. Одоевский, критикуя философию французского Просвещения и английского эмпиризма, обращает внимание на то, что «нет труда тягостнее и бесполезнее упражнения в одних опытных знаниях – без высшего на них воззрения». Главное, что такое знание может быть и опасным для человечества: страшные природные катаклизмы усугубляются, как сказали бы сейчас, техногенными катастрофами, способными привести к самому распаду земного шара. Вот почему так важно понять, в чем же суть этого «высшего воззрения»? Для романтика Одоевского суть его заключается в понимании цели человеческого существования как преобразования самого человека, его уподобления божеству. Такая цель исключает стремление господствовать над кем-либо, включая природу, но ведет к пониманию человека как активной, творческой силы универсума. Эта мысль Одоевского-романтика является общей для всего русского космизма. Современный исследователь творчества русских писателей-космистов С.Г. Семенова вообще считает, что определяющей «генетической чертой» русского космизма, как философского течения, является «идея активной эволюции, т. е. необходимости

нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство» [18, с. 4].

Сопряжение космической темы с социально-этическими вопросами очень важно для всего русского космизма. Характерно, что уже в трудах Одоевского в качестве необходимого условия расселения человечества в космосе рассматривается достижение целостного знания, соединение всех наук в одну. При этом мыслитель обращает внимание на то, что объединять нужно не знания, а людей, т. е. целостность науки достигается не объединением ее различных дисциплин, а объединением людей, обладающих какими-то частными знаниями, в одно целое. В.Ф. Одоевский дает себе отчет в том, что люди никогда не смогут обладать всей полнотой знаний о мире, и именно поэтому они вынуждены создавать целостное знание, т. е. нечто такое, что не раскладывается в последовательности сменяющихся друг друга поколений и воспроизводится всякий раз актуальным объединением людей. Эта мысль о необходимости объединения людей для решения тех грандиозных задач, которые стоят и в будущем еще встанут перед человечеством, станет центральной для всех русских космистов. В их трудах, пожалуй, впервые стала обосновываться идея объединения людей не для решения социальных, политических или экономических проблем, а проблем, так сказать, природного порядка. По отношению к природе люди выступают как единое целое вне зависимости от социально-политических, национальных, идеологических или иного рода различий. При этом человечество как целое понимается не как сила, противостоящая природе, а как неотъемлемая часть единой природы, космоса. В высшей степени это понимание человечества как единой силы, единой соборной совокупности присуще Н.Ф. Федорову. Регуляция природных, космических сил и стихий, восстановление уничтоженного природой «в период ее слепоты», самосозидание и творческое преобразование мироздания – вот общее дело всех и каждого. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах русских мыслителей позднего времени. Так, В.И. Вернадский в качестве решающего фактора перехода к ноосфере называет единство человечества, представляя такое единство как факт природный, а не только нрав-

ственный, основанный на признании равноправия и братства всех людей. Если еще совсем недавно такое единство представлялось несбыточной мечтой утопических построений и мировых религий, то в настоящее время для него формируются материальные предпосылки: быстрое распространение и обмен информацией и эффективные линии связи, а также высокоскоростные средства передвижения объединяют самые отдаленные уголки Земли; научный, технико-технический, товарный обмен создают основы общечеловеческой цивилизации. Единство человечества, как считает В.И. Вернадский, в наше время во многом стало «двигателем жизни и быта народных масс и задачей государственных образований». Конечно, такое единство еще далеко от своего полного осуществления, но как стихийное, природное явление оно пробивает себе путь, несмотря на все религиозные, межнациональные, социально-экономические, политические и иного рода различия и конфликты.

И еще одна черта романтического миропонимания роднит его с русским космизмом. Это – единство фантазии и мышления. Особенностью романтической школы является связь поэтического элемента с научными и практическими стремлениями. Как считает немецкий исследователь романтической школы Рудольф Гайм, «именно в этой, доведенной до крайности, всеобщности стремлений, в этом слиянии фантазии с мышлением заключается сущность романтизма; этим же объясняется и тот факт, что с романтизмом могли ужиться самые чистые проблески духовной жизни – влечение к благочестию» [6, с. 11].

Философская проза В.Ф. Одоевского, его «Русские ночи» и «4338-й год», всегда привлекала читателей и исследователей как один из первых в России опытов научной фантастики, хотя, конечно, это далеко не исчерпывает весь смысл произведений писателя-романтика [19]. Не менее завораживающими являются фантастические повести К.Э. Циолковского «На Луне», «Вне Земли», «Грезы о земле и небе», в которых рисуются не только картины будущего преобразования нашей планеты и заселяющих ее растений, животных и самого человека, но и освоения ближнего космоса с помощью хитроумных технических проектов. Великий мечтатель шел дальше: он грезил о всемогущем че-

ловечестве в том необозримо далеком будущем, когда оно уже возьмет под свой контроль природные законы, овладеет временем и пространством, метаморфозой вещества и энергии, чтобы преобразовать свое собственное форму и выйти в лучистое, духовное состояние. Безудержная прогностическая фантазия сочеталась в работах К.Э. Циолковского с инженерными решениями обдумываемых проблем. Но и в религиозном «проекте» всеобщего спасения Н.Ф. Федорова «сочетается фантазерство с практическим реализмом, мистика – с рационализмом, мечтательность – с трезвостью» [3, с. 205]. Н.А. Бердяев так характеризует творчество Н.Ф. Федорова: «Совершенно оригинально у него это соединение христианской веры с верой в могущество науки и техники. Он верил, что возвращение жизни всем умершим, активное воскрешение, а не пассивное лишь ожидание воскресения, должно быть не только христианским делом, внехрамовой литургией, но и делом позитивно-научным, техническим. Есть две стороны в учении Н.Федорова – его истолкование Апокалипсиса, гениальное и единственное в истории христианства, и его «проект» воскрешения мертвых, в котором есть, конечно, элемент фантастический» [3, с. 206].

В русской религиозной мысли есть течение, главным образом сосредоточенное на теме божественности космоса. Это – софиологическое течение, представленное В.С. Соловьевым, П.А. Флоренским, С.Н. Булгаковым. Вообще для русской религиозной мысли космологическая тема очень характерна. Она становится основной в начале XX века, когда русская культура переживает творческий подъем, который часто называют русским ренессансом [3, с. 244]. «Основная тема русской мысли начала XX в. есть тема о божественном космосе и о космическом преобразении, об энергиях Творца в творениях; тема о божественном в человеке, о творческом призвании человека и смысле культуры», – писал Н.А. Бердяев в «Русской идее» [3, с. 239]. Доминирование космологической темы свидетельствует о том, что русскому ренессансу присущи специфические русские черты, прежде всего «религиозное беспокойство и религиозное искание». Русский ренессанс, по признанию многих исследователей, «не был классическим, он был романтическим». Характерной чертой космизма с присущим ему роман-

тическим мироощущением является универсализм, но универсализм, как отмечает Н.А. Бердяев, – и русская черта.

Таким образом, можно сделать вывод, что русский космизм – это течение научно-философской мысли глубоко укорененное в отечественном культурном наследии. Прежде всего в нем воплотилась заветная мысль романтизма

об органической общности философии и науки. О космизме, как о романтизме можно говорить не только как об определенной культурно-философской традиции, которая не принадлежит только прошлому, но как о «жизненном явлении», которое отвечает задачам и настоящего времени.

14.02.2014

Список литературы:

1. Баландин, Р.К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие / Р.К. Баландин. – М.: Знание, 1988. – 205 с.
2. Баюк, Д. Князь Вл.Ф. Одоевский в поисках природной музыкальной гармонии // Наука и искусство. – М.: ИФ РАН, 2005. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=44994
3. Бердяев, Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: ЗАО Издательство Эксмо-Пресс, 1998. – С. 11 – 248.
4. Вернадский, В.И. Живое вещество / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1978.
5. Вернадский, В.И. Размышления натуралиста. В 2-х кн. Кн. 2. / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1977.
6. Гайм, Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума / Р. Гайм. – СПб: Наука, 2006. – 894 с.
7. Гиренок, Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / Ф.И. Гиренок. – М.: Наука, 1987. – 182 с.
8. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2. – М.: Типография П. Бахметева, 1861. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=130325
9. Коломиец, Г.Г. Ценность музыки: философский аспект: Монография. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 579 с.
10. Морозов, Н.А. Вселенная / Н.А. Морозов. – М., 1911.
11. Одоевский, В.Ф. ...4338-й год: Петербургские письма / В.Ф. Одоевский. – М., 1926.
12. Одоевский, В.Ф. 4338 год // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
13. Одоевский, В.Ф. Русские ночи [Электронный ресурс] / В.Ф. Одоевский. – М.: Директ-Медиа, 2012. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=40268
14. Одоевский, В.Ф. Недовольно (посвящается И.С. Тургеневу) // Беседы в обществе любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Вып. 1. – М.: Типография Грачева и К°, 1867. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=76149
15. Князь В.Ф. Одоевский. Общий очерк его жизни и деятельности // Русский архив. – М., 1874. Кн. 2. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=103464
16. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
17. Сакулин, П.Н. Русская Икарция / П.Н. Сакулин // Современник. – 1912. – №12.
18. Семенова, С.Г. Русский космизм / С.Г. Семенова // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
19. Сербиненко, В.В. Философская проза В.Ф. Одоевского: «4338-год» / В.В. Сербиненко // Русская философия. – М.: Омега-Л, 2006.
20. Стрелец, Ю.Ш. Смысл жизни человека: от истории к вечности / Ю.Ш. Стрелец. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2012. – 620 с.
21. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
22. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006. – 608 с.
23. Циолковский, К.Э. Причина космоса / К.Э. Циолковский. – Калуга, 1925.
24. Чижевский, А.Л. Колыбель жизни и пульсы вселенной / А.Л. Чижевский. – М.: Директ-Медиа, 2008. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view&book_id=7408

Сведения об авторе:

Писарчик Татьяна Петровна, доцент кафедры философии факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент

460018 г. Оренбург, пр. Победы, 13, ауд. 20806, телефон: (3532) 372586, e-mail: leonidtp@yandex.ru